Случайность или закономерность? Частотность словоформы и другие возможные причины грамматических речевых сбоев в русской спонтанной речи

Ю. О. Завадская

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург,
Россия); yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору возможных причин появления грамматических речевых сбоев в устном спонтанном монологе носителей русского языка. В ходе анализа материала выяснилось, что оговорки могут возникать по нескольким причинам: влияние эффекта прайминга или «фьючеринга»; влияние частотности той или иной грамматической формы в языке в целом. Источником материала исследования послужил корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека».

Ключевые слова: устная речь, спонтанная речь, устный монолог, оговорки, речевые сбои, грамматические оговорки, частотность.

Randomness or regularity? Frequency and other possible causes of grammatical speech failures in spontaneous speech

Yu. O. Zavadskaya

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Abstract. Oral spontaneous speech is an object of multidimensional, not only purely linguistic, research. A full-fledged analysis of live speech is impossible without studying such essential elements as hesitation pauses, repetitions, breaks, etc.

The inherent features of spontaneous speech include bloopers / slips of the tongue — one of the varieties of speech failure. Speech failures occur at different language levels and can be divided into phonetic, lexical, and grammatical failures. This article reviews possible causes for grammatical speech failures in the oral spontaneous monologue of native Russian speakers. The analysis of the material revealed that speech failures can occur for several reasons: the priming effect (the influence of the previous context) or the “future effect” (the influence of the future, yet unpronounced but already mentally prepared context); or the total frequency of a particular grammatical form. The research is based on the Russian monological speech corpus, created at SPBU and known as the “Balanced annotated text library”. The user subcorpus included 111 context-based units.

Keywords: oral speech, spontaneous speech, oral monologue, reservations, speech failures, grammatical reservations, frequency.

1. Постановка проблемы

М. Л. Гаспаров писал, что, «несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней» [Гаспаров 1978: 63]. Сегодня исследованию устной речи уделяется гораздо больше внимания, чем даже в начале века, ср.: «Такое пристальное внимание к устной форме речи объясняется тем, что в 80-х гг. XX в. исследовательский интерес к письменной речи был частично удовлетворен благодаря ее активному изучению на предыдущих этапах развития лингвистики» [Фадеева 2009: 313]. Рост интереса к устной речи породил множество разнообразных, порой неожиданных, открытий, гипотез и теорий. Так, на базе разных учебно-научных центров образуются школы, изучающие спонтанную речь с различных, иногда противоположных, точек зрения. Однако нельзя отрицать, что цель, которой хочет достичь каждый исследователь, интересующийся этой проблемой, едина — понять закономерности функционирования устной спонтанной речи и описать их.

В связи с тем, что сейчас *коллоквиалистика* (наука, занимающаяся изучением устной спонтанной речи) находится, скорее, в стадии

становления, перед исследователями открывается безграничный спектр явлений, анализ которых интересен, сложен и важен. Однако прежде чем обращать исследовательское внимание на масштабные проблемы (например, лексический состав устной речи, ее синтаксический строй и т. п.), или параллельно с этим, следует рассмотреть явления, на первый взгляд, незначительные и второстепенные. Именно они обнаруживаются в любом тексте, воспроизведенном устно (не обязательно спонтанно), и являются наиболее характерными признаками звучащей речи, ср.: «Если в письменной речи существует такое понятие, как обратимость (мы можем вернуться к началу или любому фрагменту текста, внести коррективы, что-то исключить или, наоборот, добавить), то для устной речи характерна необратимость» [Касаева 2014: 61]. Ср. также: «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; “поправить” странным образом значит “прибавить”» [Барт 1989: 541]. Таким образом, изучение устной спонтанной речи представляется невозможным без внимания к деталям, оказывающимся важнейшими элементами естественной речи. К таковым относятся и паузы хезитации, и различные повторы, и самоперебивы, и оговорки.

Причина возникновения таких явлений в речи вполне очевидна: в ходе естественной коммуникации говорящий оказывается в ситуации временного дефицита¹. В его задачи входит и вербальная реализация высказывания, и планирование будущей фразы, и оценка того,

¹ Ср.: «в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” — при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» [Левицкий 2011: 162]; «процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления» [Кацнельсон 1972: 110]. В. фон Гумбольдт описывал речевой акт как стихийное противоборство, драматический конфликт между мыслью и ее речевым воплощением: «Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя

что уже произнесено. Такая «нагрузка» на говорящего влечет за собой появление в речи сигналов затруднения, с которыми он должен так или иначе справляться: **паузы хезитации** служат для обдумывания сказанного, поиска необходимого слова, построения верной конструкции; **повторы** служат вспомогательным средством построения текста; **самоперебивы** возникают в случае перестройки начатой конструкции или осознания совершенной ошибки². Подобные «спутники» спонтанно порожденного текста не только возникают не случайно, но и выполняют определенные, важные для создания устного текста, функции.

Объектом внимания в настоящем исследовании являются **оговорки** как неотъемлемые элементы спонтанной речи. Оговорки входят в список различных речевых сбоев, которые в процессе спонтанного речепорождения совершает практически каждый говорящий, независимо от его социальных и психологических характеристик или от коммуникативной ситуации. Под оговоркой традиционно понимается «комплекс фиксируемых в речи явлений, оценка которых говорящими располагается в континууме от “так сказать по-русски невозможно” до “лучше было бы сказать по-другому”, то есть такие фрагменты речи, которые не имеют отношения к исходному речевому заданию говорящего или являются бессмысленной последовательностью звуков» [Русакова 2012: 78; см. также: Подлесская, Кибрик 2008: 23]. Ключевыми оказываются последние слова данного определения: оговорками признаются те речевые сбои, которые нарушают исходное речевое задание говорящего. Интересно, что в пользовательской выборке обнаружили случаи как оправданного исправления оговорки (например, когда произнесенного спонтанно слова или его формы не существует в языке — получилось так называемое *квазислово*), так и не оправданного с точки зрения системы языка (исправление возникает в таких случаях только из-за

до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» [Гумбольдт 1985: 378].

² Перечисленные функции для каждого явления устной речи — не единственные. Каждый элемент обладает определенным набором функций.

неудовлетворенности сказанным со стороны говорящего: в этом проявляется его внимание или даже «перфекционизм» по отношению к собственной речи).

Оговорки обнаруживаются на всех гранях «куба» порождения устного текста: искажение фонетического облика слова, замена нужного, подходящего, слова другим — т. е. лексические оговорки — и ошибки при выборе грамматической формы. Эти три типа более или менее равномерно распределяются в общем массиве материала (40 % составляют грамматические оговорки, 35 % — лексические и 25 % — фонетические), что говорит об их относительной «равноправности». В настоящей статье речь пойдет об одном из трех выделенных типов оговорок, а именно о грамматических речевых сбоях.

2. Материал исследования

Результаты изучения спонтанной речи (как устной, так и письменной) будут достоверными только в случае обращения к большим массивам языковых данных, т. е. к языковым или речевым корпусам. По мнению А. Д. Шмелева, обращение к представительной выборке материала подразумевает **каждое** проводимое лингвистом исследование [Шмелев 2010: 236–237].

Объектом исследования в настоящей работе является устная спонтанная речь, и источником материала послужил корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ).

Корпус САТ фиксирует русскую монологическую речь носителей разных языков³. Носители русского языка разделены при этом на группы по роду их профессиональной деятельности: медики,

³ Помимо записей, полученных от носителей русского языка (коренные петербуржцы), в САТ вошли блоки русской интерферированной речи китайцев, голландцев, франкофонов и американцев. Только что начал записываться и блок речи итальянцев.

юристы, «компьютерщики», филологи (преподаватели русского языка как иностранного) и преподаватели-философы. Все тексты в САТ построены в рамках четырех коммуникативных сценариев: чтение, пересказ, описание изображения, рассказ на заданную тему. В составе САТ сегодня более 700 текстов и около 50 часов звучания (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017; 2019]).

Всего в выборку вошло 111 единиц в контекстах. На данный момент этот корпус не размечен с точки зрения совершённых оговорок и ошибок, в связи с чем я производила поиск оговорок вручную (методом сплошного чтения). Основным критерием отбора материала стало исправление использованной формы или лексемы говорящим. Многие оговорки, однако, остаются не исправленными говорящими, поэтому единственным критерием в таком случае становился контекст речевого сбоя. Так, замеченные, но не исправленные оговорки часто сопровождаются заполненными или незаполненными паузами хезитации, неречевыми звуками, метакоммуникативными вставками и т. п. В связи с тем, что создание анализируемого корпуса не входило в задачи настоящего исследования и поиск ошибок производился только путем сплошной выборки (прочитывания) текстов расшифровок, оговорки, которые при подготовке корпуса не были восприняты расшифровщиком как речевой сбой, к сожалению, не попали в анализируемую выборку.

3. Грамматические оговорки. Характеристика

Грамматические оговорки, в которых употребляется форма слова, не соответствующая контексту или нормам языка, довольно частотны в русской речи, ср.: «Из 500 различного рода “неправильностей”, встретившихся в устной спонтанной речи на русском языке, 120 — почти четверть — связаны с нестандартным оформлением словоформы в различных морфологических категориях. (...) Это не удивительно: механизмы речевой деятельности, связанные с морфологическим оформлением словоформы, являются, с одной стороны,

неотъемлемой частью синтаксирования, а с другой — действуют в рамках слова» [Русакова 2012: 40]. Количественный анализ материала настоящего исследования подтверждает эту мысль: 111 грамматических оговорок составляют практически половину от общего их числа в пользовательском подкорпусе (234 речевых сбоя в САТ без разделения на типы).

Речевые сбои грамматического характера могут реализовываться несколькими способами. Можно выделить следующие типы этих сбоев.

Употребление ошибочной предложно-падежной формы:

- (1) *поэтому в моём представлении этот сюжет можно отнести к концу девятнадцатого века / и / к началу двадцатого / или даже к концу двадцатого века и началу двадцать первого (САТ)*⁴.

Ошибочное употребление формы числа:

- (2) *к сожалению не всё нам доступно // и та литература которую **мы** я очень люблю читать та литература которую я / э-э могу / достать прочитать конечно она не отражает / э-э всего что можно было бы увидеть (САТ)*.

Ошибка в использовании формы рода:

- (3) *на карти-ине Федосова / «Золотой сентябрь» / **изображено** [...] (э э) **изображен** тихий / сентябрьский день (САТ)*⁵.

⁴ Здесь говорящий не только не исправляет ошибку, но и не замечает ее, о чем свидетельствует отсутствие пауз, неречевых звуков и прочих маркеров его реакции на речевой сбой. Кроме того, произнесенной синтаксической формы попросту не существует в русском языке; очевидно, что эта **квазиформа** — результат контаминации двух нормативных словоформ: *в начале* и *к началу*.

⁵ Предположительно на возникновение такой ошибки повлияла устойчивость подобной формулировки в сознании говорящего, ср.: «Внимательно рассмотрите в учебнике репродукцию картины И. Шишкина “Зимой в лесу”. Опишите картину, опираясь на следующие вопросы. (...) Что изображено на картине?» [Канакина 2013: 58]. Форма причастия в среднем роде хорошо знакома информанту, что и провоцирует его произнести ее автоматически.

Употребление неправильной для данного контекста части речи:

- (4) *вообще конечно с возрастом () гораздо меньше мож... могу уже выпить чем... когда я по... помоложе была // @ а ты пьешь пиво? @ я ж пила сегодня пиво (CAT)*⁶.

Сочетание нескольких типов:

- (5) *если /э-э небо /э-э становится очень высоким уходит как бы вдаль если линия горизонта наоборот приближается становится очень близкий / близкой это говорит о том / что будет стойкая хорошая погода (CAT)*⁷.

Из предложенной классификации видно, что грамматические оговорки вполне поддаются систематизации; классификация содержит несколько уровней, каждый из которых имеет подуровни. Это свидетельствует о сложности исследуемого явления, требующего подробного изучения.

4. Причины появления грамматических оговорок

Говорить о причинах появления той или иной оговорки в речи можно с опорой на анализ взаимосвязей разных элементов текста, параллелей с другими явлениями в языке, что зачастую помогает понять работу самого механизма порождения речи.

⁶ Оговорки, как и любое другое явление спонтанной речи, могут быть описаны с разных точек зрения. Данный речевой сбой можно определить и в разряд грамматических оговорок, если предположить, что говорящий оборвал и потом скорректировал слово *можно*, и в разряд фонетических: замена правильного /g/ на ошибочное /ž/.

⁷ В данном контексте говорящий ошибается одновременно и в форме рода прилагательного, и в форме падежа. Вероятно, на появление оговорки в данном случае влияет контекст: словосочетание-подлежащее *линия горизонта* состоит из существительных женского и мужского рода, и оно расположено дистантно по отношению к сказуемому (*становится близкой*).

Так, на появление оговорки грамматического характера может повлиять предшествующий контекст: это так называемый *эффект прайминга* — влияние предыдущего контекста на порождение последующего, обычно проявляющееся у людей при неосознанном воспроизведении предыдущего визуального или аудиального опыта. Говорящий «по инерции» употребляет формы, соответствующие тому, что уже было произнесено, и не имеющие грамматического отношения к реализуемой части высказывания. Рассмотрим это явление подробнее на примерах:

- (6) *потому что во-первых чище воздух / отвлекает от мыслей о работе / от каких-то проблем / э э ∫ ну ∫ скандалов <вдох> **каки**... ну **какой-то** ругани там (CAT);*
- (7) *в принципе всё / то есть фотографировались / **плавались** и ∫ э-э ∫ отдыхали / загорали (...) или всё что хотели / пили вино / и то есть [...] мне всё понравилось (CAT);*
- (8) *спрыгнул с берёзы / и залез / в лаз / узкий лаз / **в которого** / из которого нам тоже было его не вытащить (CAT);*
- (9) *он тёрся головой об пол / вплоть до того что **боялся** что боялись что он протрёт / шерсть на спине / э-э после чего поигрался с хвостом и заснул (CAT).*

В примере (6) гипотетически можно рассмотреть две разные конструкции. Так, с одной стороны, говорящий собирался произнести словосочетание *скандалов каких-то*, однако оставил местоимение оборванным и изменил высказывание. В таком случае обрыв местоимения не будет считаться оговоркой. Если же считать, что вздох говорящего между существительным и местоимением-определением выполняет роль логической паузы, «запятой», обрыв будет относиться к следующему существительному (*ругани*). И с этой точки зрения оборванное определение можно считать оговоркой (мн. ч. вместо ед. ч.). На его появление, возможно, повлияло использование идентичной формы ранее (ср. *от каких-то проблем*).

Некоторые невербальные элементы речи (вдох, неречевые звуки и паузы перед словом *скандалов*), «окружающие» оговорку,

возникают, скорее всего, из-за специфики самого корпуса. Информанты, во-первых, выполняют семь речевых заданий подряд, что довольно затруднительно; во-вторых, находятся не в естественных, а в экспериментальных условиях и полностью осознают, что идет процесс записи их речи. Эти обстоятельства вынуждают говорящего усилить контроль над собой, отчего, соответственно, он быстрее утомляется и сбои возникают чаще.

В контексте (7) употребление возвратного глагола *фотографировались* приводит к созданию несуществующей в русском языке формы *плавались*. Можно предположить, что эта оговорка одновременно и грамматическая, и лексическая: в системе языка есть слово *купаться* — возвратный глагол, выражающий то же значение, что и употребленное говорящим в данном контексте. Возможно, это и привело к появлению *квазиформы*. Такое явление можно было бы назвать парадигматическим копированием. Оговорка оказывается замеченной говорящим (об этом говорят паузы и неречевые звуки э-э), но неисправленной. По-видимому, говорящий контролирует свою речь, но не считает необходимым возвращаться к месту сбоя и тратить временные и речевые усилия на его исправление.

Речевой сбой в примере (8) иллюстрирует реализацию существующей в системе, но не подходящей грамматически к данному контексту предложно-падежной формы *в которого*. Причиной появления оговорки могло стать употребление словоформы *в лаз* с тем же предлогом. На возникновение сбоя мог повлиять и повтор слова *лаз*, которое говорящий решает дополнить определением *узкий* (проявление речевого перфекционизма). При этом дополнении он не повторяет предлог, который, таким образом, «распространяется» на последующую часть высказывания и становится причиной ошибки. Эту оговорку можно признать двойной, т. к. говорящий изменяет форму слова (меняется реализация категории одушевленности / неодушевленности). Причины такой замены на данный момент неизвестны. В отличие от предыдущего примера (7), данная оговорка моментально исправляется говорящим.

Грамматический сбой в контексте (9), возможно, возникает под влиянием глагола ед. ч. *терся*; в следующей части высказывания

вместо верного *боялись* (форма мн. ч.) говорящий произносит форму, совпадающую по числу с первым глаголом (*боялся*).

Кроме эффекта прайминга, на тип /разновидность оговорок могут влиять и другие причины. Так, уже описанный с точки зрения эффекта прайминга пример (9) является частью текста, записанного от информанта, который выполняет речевое задание — пересказ сюжетного текста. Доказано, что во время подобной речевой деятельности говорящий чаще сталкивается с различными трудностями: в его задачи входит не только планирование высказывания, его реализация и оценка произнесенного, но и вынужденная ориентация на текст-стимул⁸. Если прайминг возникает под влиянием произнесенного самим говорящим, это явление, напротив, заключается в появлении оговорки, спровоцированной текстом, стоящим выше того, что порождает говорящий. Такие оговорки появляются или из-за чрезмерной ориентации на текст-стимул и попытки предельно точно воспроизвести его, или из-за случайного переключения на исходный текст. В таком случае порождаемый текст остается будто без наблюдения, вследствие чего может появиться речевой сбой. Таким образом, пример (9) может быть рассмотрен и как демонстрация эффекта прайминга, и — шире — как сбой, вызванный попыткой вспомнить текст-стимул.

Приведенные выше контексты демонстрируют, что в процессе спонтанного речепорождения говорящий часто становится «жертвой» того, что он произнес какое-то время назад. Однако обнаруживаются оговорки, совершенные и под влиянием текста-стимула (первичного текста). Такое явление может быть названо *эффектом «широкого» прайминга*. Так, при пересказе сюжетного текста (М. А. Булгаков. «Собачье сердце», отрывок) несколько информантов совершили схожие оговорки в одном и том же месте, ср.:

- (10) *и следующий [в кабинет на шум вошёл / ещё оди...] одна личность / как там пишется // которая не стала его хватать за ноги (САТ);*

⁸ Об особенностях речепорождения при пересказе см.: [Куканова 2009; Звуковой корпус 2013].

- (11) *но тут в комнату зашла* [*зашёл* [...]] *зашла личность* <усмешка> *ещё один человек / ну вот / он подошёл не к псу / а к шкафу* (CAT);
- (12) *короче пса поймали* // (э э) *вышел ещё один* [...]] *вышла ещё одна личность / в белом халате* (CAT);
- (13) *внезапно появился по...* [...] *появилась первая / мужская личность которая / кричала Зине / держи его!* (CAT);
- (14) *в это время в комнату ворвался* [(э э) *какое-то лицо мужского пола / и бросилось*] *причём не ко псу / а шкафу* (CAT).

Все представленные грамматические речевые сбои вызваны формулировкой, использованной М. А. Булгаковым в произведении: «Еще шире распахнулась дверь и ворвалась еще одна личность мужского пола в халате» — грамматически подлежащее выражено существительным женского рода (*личность*), но речь идет о мужчине (*личность мужского пола*), что и приводит к возникновению ошибок в пересказе как вторичном тексте. Информанты, цель которых — пересказать сюжет, пытаются максимально точно воспроизвести исходный текст. В результате появляются грамматические сбои (*появился — появилась, вышел — вышла, зашёл — зашла*). Такой вид прайминга можно противопоставить ранее описанному, потому что из примеров видно, что говорящие оговариваются из-за того, что изменяют правильную форму на ту, что была использована в тексте-стимуле. В итоге получается, что форма, полностью соответствующая нормам русского языка и точно передающая смысл описываемого действия, не удовлетворяет сразу нескольких говорящих. Именно в этой точке порождаемого текста они вспоминают о формулировке, использованной М. А. Булгаковым, и перестраивают высказывание, что и становится причиной возникновения сбоев.

Интересно, что лексически текст-стимул воспроизводится дословно только единожды (пример (14)), при этом с грамматическим «копированием» во всех случаях возникают затруднения. Это свидетельствует о двух фактах. Во-первых, о том, что конструкция, использованная автором текста, заинтересовывает читателя и заставляет

остановить внимание на этом фрагменте. Из этого рождается гипотеза, что, по крайней мере, при чтении человек уделяет особое внимание именно грамматической организации текста. Во-вторых, о том, что обнаруженные речевые сбои можно считать эффектом «широкого» прайминга, при котором для говорящего важную роль играет не только его собственное высказывание, но и текст, на который он опирается при речепорождении.

В ряд возможных причин появления грамматической оговорки можно включить и явление, обратное эффекту прайминга, — *эффект фьючеринга*. Суть такого явления заключается во влиянии еще не произнесенного, но уже задуманного говорящим высказывания, ср.:

- (15) *послышалось / **страшное** / страшный треск / чавканье / значит действительно / рыба была найдена / и кот в ближайшее время / мог бы её съесть // поэтому надо было не теряя времени / срочно его оттуда вытаскивать* (CAT);
- (16) *городскому жителю / приметы обычно не нужны // **по** времени / о времени он судит по часам / о своём местонахождении по табличкам / на домах / а сельскому жителю приметы дают очень много важной информации* (CAT);
- (17) *показана часть (э э) **какого-то** [...] **какой-то** деревушки // то есть дома / ещё [...] то есть не особо холодно / то есть это где-то / сентябрь октябрь скорее всего* (CAT).

При анализе приведенных примеров на некоторой дистанции от грамматической оговорки обнаруживаются слово или конструкция, «подходящие» к ошибочной форме. Так, в контексте (15) определение *страшное* относится к слову *чавканье*, которое уже задумал говорящий, что и породило рассогласование в словосочетании *страшный треск*. В примере (16) причиной сбоя оказывается ошибочное произнесение предлога *по*, относящегося к существительному *часы*; грамматическая оговорка в контексте (17) возникает по причине использования местоимения, относящегося к существительному, которое еще не произнесено (*какого-то дома*). Интересно, что оговорки,

совершенные под влиянием эффекта «фьючеринга», в большинстве случаев исправляются говорящим.

Количественный анализ материала показал, что из 111 грамматических оговорок в 20 % случаев (22 ед.) прослеживается влияние эффекта или прайминга, или «фьючеринга». При этом 68 % из этих случаев (15 контекстов) приходится на оговорки, совершенные под воздействием эффекта прайминга, и 32 % (7 контекстов), соответственно, — под воздействием эффекта «фьючеринга».

Другой причиной появления оговорки можно считать частотность той или иной грамматической формы в языке в целом. Проверить эту гипотезу можно с помощью проекта «Частотный словарь словоформ русского языка» [Венцов, Грудева 2008]. «Предлагаемый вниманию читателя проект словаря представляет собой первую в истории составления частотных словарей русского языка попытку организовать по частоте встречаемости не лексемы, а акцентно размеченные словоформы» [Там же: 3] — так составители словаря описывают цель своего проекта. Базой для создания словаря послужил Национальный корпус русского языка.

Обращение к данному словарю показало, что в материале есть случаи, когда более частотная форма слова произносится вместо той, которая уместна в конкретном грамматическом контексте, ср.:

- (18) *э-э это / простая примета // к этой же / к этим же простым приметам относятся и наблюдения за росой так роса в обильном количестве расположенная на траве вечером будет говорить о том что на следующий день будет хорошая / э-э погода (CAT);*
- (19) *но тем не менее вот такое вот отрицательное отношение собаки оно / м-м в общем-то ино... / иногда / им... / имеет какие-то вот какое-то рациональное зерно (CAT).*

В обоих представленных примерах словоформы, произнесенные ошибочно, по данным указанного словаря, более частотны в русском языке, чем те, что должны были быть употреблены в данных контекстах. Так, частотность формы *этой* в примере (18) составляет 752

ірт, тогда как частотность правильной в данном случае формы *этим* в два раза меньше — 371 ірт. Таков же механизм появления оговорки и в контексте (19): частотность формы *какие-то* составляет 134 ірт, формы *какое-то* — всего 79 ірт. Таким образом, более частотные формы могут стать причиной сбоя, быстрее возникая в сознании говорящего и попадая в порождаемый текст. Однако стоит еще раз оговорить, что такая взаимосвязь — всего лишь гипотеза; вероятно, частотность влияет на появление оговорок в меньшей степени, чем явления, описанные ранее.

Однако в материале пользовательского подкорпуса были обнаружены и обратные примеры, когда менее частотная форма возникает в высказывании вместо правильной, нужной, которая, по данным словаря, более частотна, ср.:

- (20) *потому что они **начинаются** / **начинают** работу в семь часов утра / заканчивается она в девять часов вечера / э-э после этого / очень кратковременный отдых* (САТ);
- (21) *всё ну вечером вечером да **у нас у меня** приятная была / э-э не компания даже ну просто мои приятельницы* (САТ).

Оговорка в примере (20) заключается в использовании неправильной формы глагола. По данным словаря, частотность формы *начинают* равна 67 ірт, что не очень много, но формы *начинаются* в нем вообще нет, что говорит о том, что ее частотность в языке еще ниже. Это подтверждается при самостоятельном обращении к данным НКРЯ: частотность этой словоформы составляет менее 10 ірт. Однако, если посмотреть на дальнейший контекст, можно предположить, что эта оговорка совершена под влиянием эффекта «фьючеринга», описанного выше. Глагол *заканчивается* является возвратным, что и могло повлиять на неуместное употребление формы *начинаются*.

Речевой сбой в следующем примере (21) реализуется по той же схеме. Менее частотное *нас* (1479 ірт) возникает на месте верного и вдвое более частотного *меня* (2416 ірт). Возможно, на появление этой ошибки мог повлиять и другой фактор: если обратить внимание

на повтор слова *вечером* в начале контекста, становится очевидным, что говорящий восстанавливает в памяти последовательность описываемых событий. Он сомневается в точности сказанного, останавливается и еще раз вербально подтверждает сказанное (использует метакоммуникатив *да*⁹). Такая «помеха» в виде сомнения в сказанном могла стать причиной совершенного позже сбоя.

Количественный анализ материала показал, что 46 % грамматических оговорок (от всего количества, 51 единица) возникают под влиянием частотности той или иной формы в языке. Из всего массива пользовательского подкорпуса большая часть (69 %) речевых сбоев появляется вследствие замены верной формы — неверной, но более частотной, и 31 % — вопреки частотности форм. Безусловно, на появление речевых сбоев обоих типов могут влиять и другие факторы (многие оговорки, например, сочетают в себе и грамматическую, и лексическую ошибку), лишь косвенно описанные в настоящей статье.

5. Выводы

1. Оговорки как явление устной спонтанной речи представлены единицами всех уровней языка (фонетические, лексические, грамматические). Количественно в материале эти три типа оговорок имеют сопоставимую частотность.

2. Грамматические оговорки все же оказываются наиболее частотными в речи носителей русского языка, что еще раз подтверждает наличие явных трудностей при грамматическом оформлении устного высказывания у носителей русского языка.

3. Появление грамматических оговорок может быть объяснено рядом причин:

- влияние узкого контекста, как предшествующего (прайминг), так и последующего («фьючеринг»),

⁹ См. о нем подробнее [Звуковой корпус 2015].

- влияние широкого контекста (всё, что находится вне порождаемого текста, но существует в системе; в этот ряд входят и прочитанные тексты, и цитаты из разных источников, и слова собеседника),
- частотность слова или формы в языке в целом (впрочем, встречаются и случаи, при которых менее частотная форма — неправильная — исправляется на более частотную; вероятно, такие случаи спровоцированы какими-то другими факторами).

Список условных сокращений

САТ — «Сбалансированная аннотированная текстотека».

Литература

- Барт 1989 — Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Богданова-Бегларян и др. 2017 — Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, К. Д. Зайдес. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Д. А. Кочаров, П. А. Скредин (ред.). Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2017): Труды Седьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Венцов, Грудева 2008 — А. В. Венцов, Е. В. Грудева. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). Череповец: Изд-во Череповецкого гос. ун-та, 2008.
- Гаспаров 1978 — Б. М. Гаспаров. Устная речь как семиотический объект // М. А. Шелякан (ред.). Семантика коммуникации и семиотика устной речи. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. С. 63–112.
- Гумбольдт 1985 — В. фон Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1960. С. 68–86.
- Звуковой корпус 2013 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

- Звуковой корпус 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015.
- Канакина 2013 — В. П. Канакина. Русский язык. 3 класс. М.: Просвещение, 2013.
- Касаева 2014 — З. В. Касаева. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 60–68. DOI: 10.3917/vaca.068.0060.
- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Левицкий 2011 — Ю. А. Левицкий. К вопросу о второй коммуникации // Е. В. Ерофеева (ред.). Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Пермь: Пермский гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. С. 159–167.
- Подлесская, Кибрик 2007 — В. И. Подлесская, А. А. Кибрик. Самоисправление говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2. 2007. № 23. С. 1–39.
- Русакова 2012 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Фадеева 2009 — Л. В. Фадеева. Исследования устной речи в германистике // Преподаватель XXI век. 2009. № 2. Ч. 2. С. 313–321.
- Шмелев 2010 — А. Д. Шмелев. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. 2010. № 19 (1). С. 236–265.

References

- Barthes 1989 — R. Barthes. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1989.
- Bogdanova-Beglyarjan et al. 2017 — N. V. Bogdanova-Beglyarjan, T. Yu. Sherstinova, K. D. Zajdes. Korpus “Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka”: metodika mnogourovnevnogo analiza russkoy monologicheskoy rechi [The Balanced Annotated Text Library: A Method for Multilevel Analysis of Russian Monologue Speech]. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds.). *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy Sedmogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR3-2017): Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg: Politekhnik-a-print, 2017. P. 8–13.

- Fadeeva 2009 — L. V. Fadeeva. Issledovaniya ustnoy rechi v germanistike [Oral Speech Studies in German Studies]. *Prepodavatel XXI vek*. 2009. No. 2. Vol. 2. P. 313–321.
- Gasparov 1978 — B. M. Gasparov. Ustnaya rech kak semioticheskiy obyekт [Oral speech as a semiotic object]. M. A. Shelyakyan (ed.). *Semantika kommunikatsii i semiotika ustnoy rechi* [Semantics of Communication and Semiotics of Oral Speech]. Tartu: Tartu State University, 1978. P. 63–112.
- Humboldt 1885 — W. von Humboldt. O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniy na dukhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. V. A. Zvegintsev. *Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Pt. I. 2nd ed., enl. Moscow: Prosveshcheniye, 1960. P. 68–86.
- Katsnelson 1972 — S. D. Katsnelson. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Kanakina 2013 — V. P. Kanakina. *Russkiy yazyk. 3 klass* [Russian Language. 3rd Form]. Moscow: Prosveshcheniye, 2013.
- Kasaeva 2014 — Z. V. Kasaeva. Ob osnovnykh chertakh ustnoy spontannoy rechi (obshchiye zamechaniya) [About the Main Features of Oral Spontaneous Speech (General Remarks)]. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2014. No. 2. P. 60–68. DOI: 10.3917/vaca.068.0060.
- Levitskiy 2011 — Yu. A. Levitskiy. K voprosu o vtoroy kommunikatsii [To the Question of the Second Communication]. E. V. Yerofeyeva (ed.). *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics]. Iss. 15: *Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy. K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern* [Perm Sociopsycholinguistic School: Ideas of Three Generations. To the 70th Anniversary of Alla Solomonovna Stern]. Perm: Perm State National Research University, 2011. P. 159–167.
- Podlesskaya, Kibrik 2007 — V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak obyekт annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi [Speaker Self-correction and Other Types of Speech Failures as an Annotation Object in Oral Speech Corpora]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Series 2*. 2007. No. 23. P. 1–39.
- Rusakova 2012 — M. V. Rusakova. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the Anthropocentric Grammar of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012.
- Shmelev 2010 — A. D. Shmelev. Yazykovyye fakty i korpusnyye dannyye [Language Facts and Corpus Data]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 19 (1). P. 236–265.

- Ventsov, Grudeva 2008 — A. V. Ventsov, E. V. Grudeva. *Chastotnyy slovar slovoform russkogo yazyka (proyekt)* [Frequency Dictionary of Word Forms of the Russian Language (Project)]. Cherepovets: Cherepovets State University Press, 2008.
- Zvukovoy korpus 2013 — N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [Audiocorpus as a Material for Analyzing Russian Speech]. Pt. 1: *Chteniye. Pereskaz. Opisaniye* [Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2013.
- Zvukovoy korpus 2015 — N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [Audiocorpus as a Material for Analyzing Russian Speech]. Pt. 2: *Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza* [Theoretical and Practical Aspects of the Analysis]. Pt. 1: *O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii* [About Some Features of Oral Spontaneous Speech of Different Types. Audiocorpus as a Material for Teaching Russian to a Foreign Audience]. St. Petersburg: Faculty of Art, St. Petersburg State University, 2015.